

Рудольф
БАЛАНДИН

ПОЛИГОНЫ СМЕРТИ? СДЕЛАНО В СССР

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ**

Великие тайны истории

Рудольф Баландин

**Полигоны смерти?
Сделано в СССР**

«ВЕЧЕ»

2011

УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)6+20.1

Баландин Р. К.

Полигоны смерти? Сделано в СССР / Р. К. Баландин — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Великие тайны истории)

ISBN 978-5-9533-5988-7

Возвышенная цель – построить город-сад в среднеазиатской пустыне, орошенной водами сибирских рек, была поставлена советским правительством перед учеными. Оказалось, что наука не может просчитать последствия такого проекта. Дело не дошло до поворота великих рек, однако и нынешняя оросительная система породила в Приаралье не только белоснежные поля драгоценного хлопка, но и соленые болота, полуиссякшие реки Амударья и Сырдарья... Автор книги, популяризатор науки с полувековым стажем Рудольф Константинович Баландин, описывает множество ситуаций, когда неуважение к законам биосферы в истории XX века оборачивалось трагедией.

УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)6+20.1

ISBN 978-5-9533-5988-7

© Баландин Р. К., 2011
© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Введение	5
1	5
2	7
3	8
4	10
5	12
Глава 1	13
Покорение природы	13
Два пути развития сельского хозяйства	15
Тотальное наступление	18
Поражение	20
Уроки целины	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рудольф Константинович Баландин

Полигоны смерти? Сделано в СССР

Введение

Политическая экология

Как отвратительна эта дикая умирающая природа! Это я, только я один могу сделать ее приятной и живой; осушим эти болота, оживим эти мертвые воды, заставим их течь, сделаем из них ручьи... Своим искусством человек раскрывает то, что она (природа) таила в лоне своем; сколько неведомых сокровищ, сколько новых богатств!
Жорж Бюффон, конец XVIII века

Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания.
Жан-Батист Ламарк, начало XIX века

1

Наука экология (*греч.* – изучение окружающей среды) с момента своего возникновения была ориентирована на познание взаимосвязей организмов со средой обитания. Однако уже вскоре стало очевидно, что пришла пора всерьез продумать обостряющийся конфликт цивилизации с природой.

Так, наряду с биоэкологией возникла техноэкология (её называют ещё экологией человека и социальной экологией). Эта дисциплина призвана не только изучать проблемы, но и рекомендовать практические мероприятия для предвидения и преодоления экологических кризисов.

С первой исследовательской задачей удастся более или менее успешно справиться. Рекомендации экологов сами по себе бывают вполне резонными – с точки зрения охраны природы. Однако есть еще интересы государства, производства, занятости. А вот учесть в комплексе интересы не только природы, но и общества оказывается подчас непосильной задачей. Чаще всего приходится пренебрегать экологией.

Без органичного синтеза естествознания и обществоведения не выработать систему рациональных мероприятий по охране природы, а значит, и здоровья людей. Нередко можно услышать, что основы такой экологической теории разработал В.И. Вернадский в своем учении о ноосфере, торжестве разума («нус», «ноос», *греч.* – разум).

Увы, такого учения у Владимира Ивановича нет. Он создал гениальное учение о биосфере, области жизни на планете, о геологической роли живого вещества (совокупности организмов). А вот о ноосфере только мечтал.

При досужих общих рассуждениях можно изобретать красивые гипотезы, в частности, предполагая, будто когда-то существовало гармоничное единство природы и общества. Увы, в действительности даже у людей позднего каменного века возникали экологические кризисы в связи с широким использованием огня, захватом наиболее пригодных для обитания земель и вымирания крупных млекопитающих.

Для того чтобы принимать конструктивные решения, а не пребывать в мире умозрений, приходится учитывать конкретную социальную ситуацию и природную обстановку в определенном регионе.

При капитализме, так же как при более ранних типах общественного устройства, неизбежен хищнический подход к природным ресурсам. И это вполне понятно. Здесь превыше всего интересы бизнеса, прибыли, наживы, увеличения капиталов. Значит, надо развивать производство.

Следующие приоритеты социальные – чтобы избежать волнений трудящихся и по возможности повышать жизненный уровень большинства населения, тоже необходимо развивать производство.

А это означает более активное использование природных ресурсов и, следовательно, их истощение при загрязнении отходами окружающей среды.

Правда, есть возможность свести загрязнение к минимуму, а почти все естественные богатства восполнять. Но и первое и в особенности второе – мероприятия затратные и не дающие прибыли. Следовательно, при капитализме неизбежно постоянное обострение экологических проблем вплоть до наступления кризисных ситуаций.

А что же – при социализме?

2

В плановой системе экономики, при национализации средств производства, богатств культуры и природы, есть прекрасная возможность учитывать прежде всего интересы народа на долгосрочную перспективу. Это означает, что экологические проблемы могут быть решены.

Однако в СССР, во второй половине XX века, они рассматривались в первую очередь в пропагандистском аспекте. Логика была безупречной: у нас природу берегут, ибо она – достояние всеобщее, а капиталисты ее злостно губят ради личных корыстных интересов. Но жизнь, как известно, редко укладывается в узкие пределы логических схем.

Экологическая политика в нашей стране со времен Хрущева была подчинена идеологической пропаганде. Постоянно повторялось, что при капитализме природа страдает, а при социализме расцветает. Делалась оговорка: имеются отдельные частные недостатки, оплошности, злоупотребления.

Для придания подобным утверждениям убедительности цензура тщательно отбирала факты. С этой процедурой и мне довелось вплотную познакомиться 35 лет назад, при подготовке к изданию книг «Планета обретает разум. Биосфера – техносфера» и «Перестройка биосферы».

Первая, совсем было запрещенная к выпуску цензурным отделом, вышла в свет со значительными купюрами. Сказалась неожиданная поддержка Борушко – заместителя председателя комитета по печати БССР, а также философов АН БССР. Во второй мне предложили изъять негативные примеры, относящиеся к СССР, даже со ссылками на «Правду», «Известия». Пытался уговаривать:

– Проблемы родной природы меня беспокоят больше, чем в разных там США и ФРГ!

А в ответ:

– Не будьте наивны. Там используют вашу работу для очернения образа Советского Союза.

Признаться, тогда я не принимал такой довод всерьез. Считал, что бдительность идеологических «блюстителей» нелепа. Тем более что у нас ширилось движение защитников природы, начали публиковать труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные экологическим проблемам. Например, вышла отличная книга Д.Л. Арманды «Нам и внукам».

Вот что он писал: «При освоении целины в Казахстане и Западной Сибири были случаи, когда вследствие недостаточной изученности земель ошибочно распахивались угодья, служившие неплохими пастбищами, но малопригодные для пашни. К ним относятся пастбища крутосклонные, на песчаных почвах и солонцах. Превращенные в пашню, они давали очень низкие урожаи, становились жертвой эрозии, дефляции и дальнейшего засоления. Тогда нерадивые хозяева, вместо того чтобы произвести на них коренные мелиорации и перейти к специализированным методам обработки, забрасывали их в залежь. Однако такие залежи не возвращаются в фонд кормовых угодий. На них растут преимущественно сорняки».

Казалось бы, полезная информация, справедливая критика с последующими рекомендациями. При чем тут наши зарубежные недруги? Как они могут воспользоваться подобными сведениями в политических целях? Тем более что у них своих экологических проблем невпроворот.

Однако мне пришлось по-иному взглянуть на бывшие придиры советской цензуры после того, как в 1991 году у нас издали книгу американских авторов М. Фешбаха и А. Френдли-младшего «Экоцид в СССР». Оказалось, что экологическое направление было одним из главных в холодной войне против Советского Союза. Наступление наших врагов на этом фронте проходило массированно и успешно.

3

«Экоцид в СССР» – ошеломляющее название. Что такое «экоцид»? По-видимому, что-то подобное геноциду, но только по отношению не к народу, а к природе. Но если уничтожают среду обитания, то обрекают на деградацию и вымирание живущие здесь народы.

Таков политико-экологический посыл уже самой обложки книги. Подсознательно или осознанно читатель сразу же делает вывод: СССР – империя зла!

Эта объемистая работа насыщена разнообразными, порой страшными, а то и недавно рассекреченными сведениями о бедственном положении природы и здравоохранения в СССР. В книге верно выбран главный критерий состояния окружающей среды: здоровье и качество жизни.

С 1970 по 1989 год смертность среди трудоспособного населения в нашей стране увеличилась с 399 до 480 человек на сто тысяч – главным образом, за счет сердечных приступов и раковых заболеваний. Особенно быстро «прогрессировал» рак, что наводило на мысль о непосредственной связи заболевания с химическим и радиационным загрязнением биосферы.

Из общего числа мужчин, умирающих от заболеваний дыхательных путей, лица моложе 60 лет в СССР составляют 30 %, тогда как во Франции – 7 %, а в Японии – меньше 4 %. В 1988 году детская смертность в Союзе была в 27 раз выше, чем во Франции, причем от заболеваний дыхательных путей советские дети умирали в 55 раз чаще. И хотя расходы на медицину неуклонно возрастали, никаких положительных результатов это не приносило.

Не говоря уж об отсутствии новых технических средств для диагностики и лечения, все больше ощущалась нехватка даже таких мелочей, как специальная бумага для электрокардиограмм или пленка для рентгеноскопии. Красноречивый штрих: «В 1991 году руководители советского здравоохранения были вынуждены признать, что отечественная промышленность в состоянии удовлетворить лишь 19 % годового спроса на медикаменты».

На такой почве буйно расцвели разного рода кудесники и экстрасенсы, целители и «телепсихотерапевты», маги черной и белой магии, «заряжатели» воды и газет. Изумляясь этому феномену, авторы находят ему объяснение: «Те, кто искренне верил в свои панацеи, и те, кто беззастенчиво надувал своих сограждан, помогли обнаружить одну основополагающую истину: после семи десятилетий самообольщений советская медицина переживала глубокий кризис...»

Самообольщение, по их мнению, выразилось прежде всего в непомерном увеличении количества медицинских работников в ущерб их качеству. Однако, заметим, ниже сами авторы утверждают нечто иное:

«Джулиан Хаксли, ознакомившись с состоянием советского здравоохранения в 1931 г., очень верно определил его как близкое к общему уровню других европейских стран». «Советские медики даже в ужасные годы второй мировой войны добились действительно впечатляющих успехов». Выходит, до какого-то периода наше здравоохранение развивалось успешно! До какого? Вот в чем вопрос. И что изменилось затем? Почему?

Можно ли утверждать, будто за все последние восемь десятилетий в стране наблюдался упадок медицины? Бывали у нас и времена подъема. Но авторы, даже вопреки приведенным ими фактам, огульно отождествляют социализм с мраком и злом, а капитализм – со светом и добром.

Вся книга пропитана антисоветским духом. Полный приоритет идеологии над экологией. Получается не объективное научное исследование, а предвзятая «агитка». И если прежде в нашей стране стремились показать ужасы капиталистической системы и достоинства социализма, то теперь – наоборот. Причем книгу с клеветой на Советский Союз издают не где-

нибудь, а у нас, да еще с восторженным предисловием академика от литературы (а тогда – главного редактора «Нового мира» С.П. Залыгина).

Ложь, вывернутая наизнанку, еще не становится правдой. Она даже бывает еще более отвратительной и гнусной. Это с полной определенностью показали последние годы перестройки и реформ, когда мы перешли от власти трудящихся (социализм, народная демократия) к господству богатых (капитализм, буржуазная демократия). Именно тогда здоровье народа и охрана природы пришли в полнейший упадок!

Надо признать: советская пропаганда была отчасти права. Во-первых, она защищала интересы своей страны, а не США. Во-вторых, капиталистические державы во главе с США наносили самые страшные удары по биосфере. Слаборазвитые страны стали объектом жестокой экологической (а не только экономической) эксплуатации. Они превратились в поставщиков сырья и дешевой рабочей силы, в места размещения вредных производств и свалок ядовитых отходов.

4

Поучительные примеры политэкологии демонстрируют М. Фешбах и А. Френдли-младший. Например, ссылаются на утверждение писателя О. Сулейменова, будто «Казахстан превратился в кучу отбросов, куда Россия сваливала свой мусор».

Мне доводилось слышать выступление этого бывшего депутата Верховного Совета СССР. Утверждаю: приведенное высказывание – спекуляция на экологии. Авторы дважды странно пишут о «повороте с севера нескольких крупных сибирских рек на юг». На самом деле такого проекта не было и быть не могло. Речь шла о переброске всего нескольких процентов стока!

В отличие от Фешбаха и Френдли, а также от многих других, пишущих об экологических проблемах в СССР, я с ними знаком не только по литературе или журналистским набегам. Работая в Белорусском Полесье, я наблюдал последствия осушения болот, а в Северном Казахстане – печальные результаты тотального наступления на целину. В связи с проектом переброски части стока сибирских рек на юг, я, будучи главным гидрогеологом Аральской партии, изучал ситуацию в Приаралье. Побывал и на Семипалатинском полигоне. В Союзе писателей СССР несколько лет руководил секцией охраны природы. Как инженер-геолог многие годы исследовал проблемы взаимоотношений цивилизаций с природой, написав несколько монографий на эту тему.

В данной книге нам еще предстоит обсудить и осмыслить непростые экологические проблемы в разных аспектах: социальном, экономическом, политическом, научно-техническом. Говоря о прошлом, не будем забывать, что оно почти во всем определяет наше настоящее и предопределяет будущее.

Экологические темы не теряют своей актуальности со временем. Тем более когда они обретают важное политическое значение.

Выскажу мысль, которая может показаться спорной: **благополучие природы не слишком сильно зависит от социального строя.**

При феодализме и капитализме, демократиях и монархиях отношения человека и природы чреваты постоянными конфликтами. Порой ситуация становится катастрофической. Многое зависит от культурного и нравственного состояния общества, ответственности и компетенции власть имущих, международного и внутреннего положения страны.

Плановая система хозяйства и общенародная собственность на средства производства при централизованном управлении предоставляет наиболее благоприятные возможности для рациональной эксплуатации и охраны природных богатств. Но ведь возможности ещё надо уметь реализовать...

В любом обществе проявляются два типа экологической активности. Один нацелен на расхищение национальных богатств (конечно, включая природу) ради личной или групповой выгоды; другой – на их охрану и рациональное использование на благо нынешних и грядущих поколений. Ясно: разрушать и разворовывать легче, чем создавать и беречь. Поэтому государство должно вырабатывать и претворять в жизнь законы, ограничивающие алчную активность.

На Западе укоренялось экологическое воспитание и образование, внедрялись экологичные технологии, ужесточались природоохранные законы. Это дало положительные результаты. Хотя они слишком часто обеспечивают свое благополучие за счет других стран и народов.

По сообщению ИТАР-ТАСС, десяток лет назад несколько германских фирм переправили ядохимикаты к нам вместо того, чтобы заплатить крупную сумму за их утилизацию. Нет сомнения, что некоторые наши толстосумы существенно обогатились за счет отравления родимой земли. Такова беспощадная политэкология капитализма: избавляться от вредных производств в собственных пределах за счет зависимых и слаборазвитых стран.

Политэкология – сильное оружие в идеологической войне.

На первый взгляд может показаться, что радетели за охрану родной природы – подлинные патриоты, правдолюбцы, далекие от грязных политических игр. Однако на деле получается не совсем так. Хотели они того или нет, а в результате их активной пропаганды в период перестройки единственным результатом стало расчленение Советского Союза.

Обратите внимание, как сразу же после 1991 года словно разом исчезли у нас все экологические проблемы. Неужели всё тотчас изменилось к лучшему? Нет, конечно же. Правда, грянул экономический кризис, множество промышленных предприятий было закрыто. Но многострадальной нашей природе от этого не стало легче. А русский народ стал вымирать с невиданной для мирного времени скоростью.

5

В середине XIX века политэкономия Маркса провозгласила кризис буржуазного общества и неизбежность социалистических революций. Доля истины в том была. Однако теоретик явно недооценил последствия научно-технического прогресса и приспособительные возможности буржуазных демократий.

Теперь есть все основания с позиций политэкологии говорить о глобальном кризисе технической цивилизации. Возникла своеобразная форма эксплуатации одних государств другими. Теперь она выражается в истощении природных ресурсов зависимых стран, размещении на чужих территориях ядовитых свалок и экологически вредных производств, грозящих техногенными катастрофами.

Самое печальное, нет – самое трагичное, что к числу таких экологических колоний относится и Российская Федерация. И дело не только в том, что мы поставляем первичные ресурсы (нефть, газ, лесоматериалы) и энергозатратную продукцию (алюминий и некоторые другие металлы). У нас в развале – сельское хозяйство, и мы зависим от поставок из-за рубежа продуктов питания. Резко снизился научно-технический потенциал страны.

Распродажа национальных природных богатств приносит выгоду ничтожному числу ничтожных людей, а урон наносит не только нынешним, но и будущим поколениям россиян. Ведь у нас уменьшаются не только природные, но и демографические ресурсы.

Экологическая трагедия сказывается в первую очередь на эксплуатируемых народах, на слаборазвитых государствах, имеющих продажных правителей. Однако в последующей перспективе скорое и бесславное вымирание грозит всему человечеству. Ибо биосфера – едина. Техногенные язвы существенно сказываются на ее здоровье. Тем более что они распространяются все шире.

Возможно, когда-нибудь политэкология станет приоритетной наукой. Только надо помнить: уловки и хитрости во взаимоотношениях с биосферой – дело безнадежное. **Природа – это сама правда.** Биосфера несравненно древнее и, пожалуй, мудрее нас. Мы обязаны чтить ее законы и действовать ради ее блага. Только так можно выжить на Земле.

Глава 1

Наступление на целину

...Коммунисты, широкие массы трудящихся одобряют и поддерживают идею партии об освоении целины и пахотных залежей.

Стране не только нужен был хлеб, она испытывала острейшую нехватку ценнейшей продовольственной культуры – пшеницы. И дать ее могла только целина, где можно выращивать высшего качества пшеницу твердых и сильных сортов.

Леонид Ильич Брежнев

Покорение природы

Принято считать, что идея покорения природы, в корне своей неверная, извечно вдохновляла людей обращаться с ней, как с поверженным противником. Однако в действительности дело обстоит не так просто.

В Библии сказано, что когда Бог сотворил мужчину и женщину, «по своему образу и подобию сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею...».

Значит, согласно христианскому канону, земля отдана во владение человека. Он ее хозяин. И теперь от него зависит, как он сумеет распорядиться со своим хозяйством.

Таков религиозный мотив.

Человек «создает как бы новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, – он творит культуру». Так утверждал отец Сергей Булгаков, выдающийся русский мыслитель. Он призывал не столько к дерзаниям, сколько к смирению: «Содержанием хозяйства человека является не творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого и натиск на омертвелое».

Почему же в действительности происходит не то, что предполагают религиозные идеи и здравый смысл? Ведь ясно же, что свое хозяйство требуется хранить и приумножать, а не растрачивать и вести к упадку.

Однако в действительности человеку всегда требовалось от природы больше, чем она ему предоставляет, можно сказать, даром. Для этого испокон веков использовалась техника. Чтобы расширять пастбища и пашни, выжигали леса и осушали болота. Казалось, ничего плохого от этого быть не может.

Долгая эксплуатация почв истощала их животворную силу, вызывала эрозию, на орошаемых землях начиналось засоление. Вдобавок плотность населения увеличивалась, и приходилось расширять пределы освоенных территорий. Особенно привлекательными были целинные степи и лесостепи.

Американский ученый П. Беннетт писал в 1958 году о том, как шло освоение новых земель в Северной Америке:

«С энергией и энтузиазмом вступили колонисты на девственную землю. Началось такое изменение поверхности земли, подобно которому еще не знала история...

Колонисты заботились лишь об использовании для самих себя всего, что встречалось им на пути. На некоторое время движение задержал... мощный пояс лесов, простиравшихся на тысячи километров на запад от Атлантического океана к области прерий... Пионеры при помощи топора и огня приступили к работе в девственных лесах. Мало-помалу они расчистили землю для фермерских усадеб. Было сожжено громадное количество деревьев...

Заселение новой страны сопровождалось... сильнейшим истощением естественных богатств, которыми природа так щедро одарила этот край... Белые обитатели этой новой страны в своем «завоевании диких пространств» и «покорении Запада» поставили потрясающий рекорд опустошения и разрушения. Миллионы гектаров склонов, когда-то покрытых величественными лесами, были оголены поверхностным смывом. Бесчисленные овраги изрезали ранее богатейшие земли.

Многие участки плоских равнин, на которых когда-то буйно росли низкорослые местные травы, были покрыты сорняками или занесены сыпучими песками, приведенными в движение во время пыльных бурь. Что привело к столь трагическим превращениям? Самая общая причина кроется в ложном представлении об изобилии страны и мифе о неистощимости природных ресурсов. Это представление и миф господствовали в течение многих лет и еще владеют умами некоторых людей в настоящее время».

Только ли в этом причина бедствий природы? Вряд ли. Недаром Александр Гумбольдт говорил: «Человеку предшествуют леса, после человека остаются пустыни». То же можно сказать и о первозданных степях, саваннах. И дело тут не в каких-то неверных идеях. Просто очень долго никто не задумывался о дальних последствиях «побед над природой».

В середине XIX века ученые обратили на них внимание. Немецкие, французские, американские, русские географы стали писать о том, что из-за истребления лесов и осушения болот снижается уровень подземных вод, реки мелеют в межень и катастрофически разливаются в половодье, а почвы особенно быстро деградируют.

Идеи и рекомендации теоретиков не сразу реализуются на практике. Однако американский метод тотального освоения целины, казалось бы, предоставил наглядный пример того, как не следует вести наступление на природу. В начале XX века газеты сообщали о страшных пыльных бурях, взметающих тысячи тонн почв на западе США на некогда целинных землях.

Был ли учтен этот печальный опыт в СССР, когда в сентябре 1953 года на пленуме ЦК КПСС было принято решение осваивать целинные и залежные земли? Или проявился революционный напор, стремление в кратчайшие сроки решить задачи, с которыми и за длительное время справиться не так-то просто? Неужели в нашей стране не нашлось честных и компетентных специалистов, которые объяснили бы опасность решительного и недостаточно подготовленного наступления на целину?

Тогда общее руководство сельским хозяйством по линии Политбюро, а затем и всей страной осуществлял Н.С. Хрущев. Он всегда был склонен к скоропалительным, чаще всего плохо продуманным поступкам и решениям. Но разве дело только в нем одном? Его позже обвинили в волюнтаризме. Однако крупные государственные проекты разрабатываются специалистами, а решения принимаются коллегиально на разных уровнях.

...В 1972 году временная база нашей аральской изыскательской партии располагалась в Кызыл-Ординской области Казахстана, южнее реки Сырдарьи. Однажды мы проезжали мимо бывшего поселка целинников. Я вышел из машины и прошелся по улице.

Странное и жутковатое было ощущение. Ноги ступали по рыхлому темно-серому... снегу. Нет, под сапогами были барханчики распыленного почвенного слоя. Его нанесли сюда пыльные бури.

По сторонам дороги стояли стандартные блочные домики с черными пустыми провалами окон. Все деревянные детали (рамы, двери) были выломаны. Мертвый поселок. Мертвая земля вокруг.

А в эти годы наша страна продолжала закупать за рубежом зерно, расплачиваясь золотом. Так завершилось наступление на целину.

Два пути развития сельского хозяйства

Наиболее часто критикуется основное положение социалистического уклада – общественная собственность: общее – значит ничьё.

Это мнение не лишено оснований. Хотя так рассуждает далеко не каждый. Тот, кому хотелось бы пожить общей собственностью в личных интересах, оправдывает свое желание тем, что она никому конкретно вроде бы не принадлежит. Мол, был бы хозяин, тогда и отношение, скажем, к природным богатствам было бы иным, рачительным.

Однако в действительности получается не так. Вот, к примеру, освоение американскими фермерами целины. Они были собственниками и распоряжались земельными угодьями по своему усмотрению. Неужели они были так глупы, что не учли возможных последствий экстенсивного землепользования?

Трудно судить об их знаниях, но в своих действиях руководствовались они, прежде всего, насущной необходимостью в кратчайшие сроки получить как можно больше продукции. Не ради обогащения, а для того, чтобы свести концы с концами, обустроиться на новых местах, расплатиться с долгами. У них не было ни времени, ни средств для предварительных исследований, да и в науках они не были сильны.

Но так было при капитализме. Социалистическое плановое народное хозяйство не должно было допустить ничего подобного. Тем более что к середине XX века и в мире, и у нас был накоплен практический опыт ведения сельского хозяйства в разных районах, а также было немало ученых, способных дать обоснованные рекомендации по рациональному использованию природных угодий. Неужели партийные руководители были настолько глупы и самоуверенны (что обычно совпадает), что в приказном порядке, угрожая репрессиями, заставили специалистов подчиниться своим бредовым требованиям? Не так ли действовал чудовищный механизм командно-административной системы?

М. Фешбах и А. Френдли-младший корень зла увидели в сталинском плане коллективизации, после осуществления которого были подорваны устои российского сельского хозяйства. «Коллективизация, – утверждают они, – служила политической цели по переделыванию свободных фермеров в некую категорию агроиндустриальных пролетариев, которые зарабатывали на жизнь, как рабочие или члены колхозов. Их трудоустройство, жилье, орудия производства, снабжение и права полностью зависели от государства».

Эти вот названные по-американски «свободные фермеры», то есть русские крестьяне, в большинстве своем были озабочены выживанием в невероятно трудных условиях природной зоны рискованного земледелия. Они жили впроголодь, едва сводя концы с концами. Американским ловким политэкологам, видимо, неведомо, что Россия пережила тяжкую Первую мировую войну и еще более губительную Гражданскую, что она была разорена и вдобавок находилась во враждебном окружении.

Восстановление страны, индустриализация требовали огромных затрат средств и труда. Крестьяне-единоличники не могли прокормить население растущих городов и рабочих поселков. Создание крупных коллективных хозяйств и обеспечение их техникой стало необходимым мероприятием. Оно проходило с огромными трудностями. Крестьяне резали значительную часть своего скота, чтобы не отдавать его в колхоз. А тут еще два года была страшная засуха.

Однако уже вскоре дела пошли на лад. К началу Великой Отечественной войны страна обрела не только индустриальную мощь, но и полностью обеспечивала население продукцией сельского хозяйства. Это помогло нашей победе.

После войны надо было с неимоверными усилиями восстанавливать города и села, фабрики и заводы. К тому же США, которые нажились (!) на двух мировых войнах, спешно увеличивали свой военный потенциал за счет атомных и водородных бомб. Для каких целей? Един-

ственный ответ: для подготовки нападения на СССР. Наша страна вынуждена была адекватно ответить на этот вызов. А потери – прежде всего мужчин – были немалыми. Вновь сельским жителям пришлось трудиться в тяжелейших условиях...

Короче говоря, экстремальная ситуация, в которой находилась наша держава со времен Первой мировой войны, не давала передышки, заставляя использовать экстенсивные методы ведения сельского хозяйства. Этому благоприятствовали обширные неосвоенные земли на востоке, а после Великой Отечественной войны еще и выпуск значительного количества тракторов, комбайнов. Заводы, недавно еще выпускавшие танки, перешли на мирную продукцию. Сельскохозяйственная техника обеспечивала успешное наступление на целину.

В принципе есть два пути увеличения продукции сельского хозяйства. Первый (экстенсивный) – рост количества животных и расширение посевных площадей. Второй (интенсивный) – улучшение качества животных и повышение урожайности.

Нетрудно догадаться, что второй путь предпочтительней первого. Помимо всего прочего он позволяет наиболее рационально, бережно распоряжаться природными ресурсами. Однако он требует затрат времени и сил на селекцию, выведение продуктивных сортов растений и пород скота, а также на улучшение технологии обработки почвы, условий содержания животных и т. д.

В странах Западной и Центральной Европы со временем перешли на второй путь развития. Не потому, что здесь население разумней или после буржуазных революций установился капитализм с преобладанием частных владений, конкуренцией и стремлением к максимальной прибыли (последнее обстоятельство нацеливает в первую очередь на экстенсивное хозяйствование). Существенней другое: дефицит земельных угодий.

Есть еще одно обстоятельство. Наиболее развитые западноевропейские державы обогатились за счет колониальных и зависимых стран. Они имели возможность развивать науки, технику, технологии. А достижения в биологии, генетике, почвоведении, экологии оперативно использовались на практике.

Наконец, не следует забывать, что в Западной Европе климатические условия более благоприятны для сельского хозяйства, чем в России: значительно мягче и короче зима, неглубокое промерзание почвы, редкие и сравнительно недолгие засухи, достаточно обильное выпадение осадков.

Почему же руководители СССР, делая ставку на освоение целины, избрали наименее разумный первый путь?

Если обратиться к упомянутым выше двум американским авторам, то ответ прост: во всем виноват «главный фермер Советского Союза» Хрущев, который, во-первых, не предоставил свободы крестьянам, а во-вторых, предпринял авантюрные кампании посевов кукурузы и распахивания целинных и залежных земель.

Что касается «кукурузизации» всей страны, то тут они правы. Увидя в США высоченные «заросли» этой культуры и узнав, что это – залог продуктивного животноводства, он добился того, чтобы ею засеяли обширные территории. (Помнится, на юге Западной Сибири в конце лета 1956 года я увидел поле, на котором проклюнулись какие-то зеленые столбики. Мне объяснили не без горькой иронии, что это сделано по велению «кукурузника».)

Однако с целиной было не так все просто.

Руководители страны после смерти Сталина хотели осуществить, говоря в терминах Мао, «большой скачок» в сельском хозяйстве. Идея сама по себе была неплоха. Слишком долго состояние дел в этой отрасли оставляло желать много лучшего. Сказывались прежде всего, как мы уже говорили, объективные причины.

Для «большого скачка» был и большой полигон: целинные и залежные земли Казахстана и Южной Сибири. Прежде наступление на них нельзя было осуществить из-за отсутствия соответствующей техники. Теперь в этом отношении ситуация изменилась.

Таким образом, можно было обойтись без того, чтобы затрачивать сравнительно много времени на улучшение пород скота, сортов растений, мелиорацию почв в давно освоенных районах. Соблазн был слишком велик, перспективы виделись радужными, а природные ресурсы новых земель были огромными. Почему же не начать решительное наступление? Зачем оглядываться на Западную Европу, когда у них нет таких возможностей, как у нас?

В СССР уже был опыт гигантскихстроек социализма и коммунизма. Успешно реализовали план ГОЭЛРО, провели индустриализацию, проложили каналы, сделав Москву портом пяти морей. Теперь с тем же размахом взялись за подъем сельского хозяйства.

Вновь сошлюсь на двух американских антисоветчиков. (Занятное это слово; в период перестройки и реформ руководители страны действовали по советам именно антисоветчиков США; неудивительно, что они давали антисоветы.)

«Обе кампании (имеются в виду кукурузная и целинная. – *Р.Б.*) были амбициозными затеями, обреченными на провал. По сравнению с 1956 годом в 1965 году был собран меньший урожай, но, чтобы его все-таки получить, крестьян к востоку от Уральских гор принуждали к интенсивной обработке уязвимых земель. В результате эрозия охватила почти половину из примерно 20 миллионов гектаров (а не 37 млн, запланированных Хрущевым) распаханых и засеянных степных земель. В то же время в Европейской части России и на Украине севооборот был подменен применением большого количества химических удобрений, что привело к обеднению почвы естественными питательными веществами. Во времена правления Хрущева были заложены основы развала, который сопровождал экономику СССР и жизнь его крестьян многие десятилетия».

Надо уточнить. Никаких крестьян не принуждали распахать целину. И беда была не только и не столько в химических удобрениях. Тем более что они никак не могут обеднять почву, а напротив, обогащают ее необходимыми веществами.

Интересно, как это ухитрились американцы сказать правду о том, что Хрущев был первым губителем СССР? Сболтнули лишнего...

Тотальное наступление

На современной войне крупному наступлению предшествует мощная артиллерийская подготовка. При реализации планов наступления на целину была предварительно проведена идеологическая работа и громкая агитационная кампания.

Но было бы неправильно сказать, что дело ограничилось только этим. В XI томе «Истории СССР» (1980) говорится:

«Осенью 1953 г. по указанию ЦК КПСС партийные и сельскохозяйственные органы Казахстана, Сибири и некоторых других районов приступили к изучению возможностей массового освоения целинных земель. Состоявшиеся здесь в конце 1953 и начале 1954 г. областные и краевые партийные конференции, различные совещания и собрания признали возможным и необходимым развернуть массовое освоение целинных и залежных земель. Они показали, пишет Л.И. Брежнев, «что коммунисты, широкие массы трудящихся одобряют и поддерживают идею партии об освоении целины и пахотных залежей». Учитывая это, февральско-мартовский (1954 г.) Пленум ЦК КПСС постановил в ближайшие годы освоить не менее 13 млн га целинных земель.

В районы освоения целины прибыли 47 комплексных экспедиций, в составе которых было около 2 тысяч гидротехников, геологов, почвоведов, агрономов, землеустроителей. Они обследовали свыше 90 млн га целинных земель и больше 20 млн отвели под пашню. Большая часть выделенных земель относилась к первой и второй категориям с преобладанием черноземов и темно-каштановых почв. Были разработаны предварительные схемы новых зерносовхозов, намечены трассы будущих дорог, места колодцев и т. д.

Гигантская работа была проведена по обеспечению районов освоения целинных земель кадрами. Сюда направлялись не только руководители, специалисты, механизаторы вновь создаваемых совхозов и расширяющихся уже существовавших совхозов и колхозов, но и партийные, советские работники, способные обеспечить решение в короткий срок исторической задачи, выдвинутой партией, – освоение целины. Чтобы «был ясен, например, масштаб работы по укреплению руководящих кадров на местах, которую следовало провести за очень короткий срок, – пишет Л.И. Брежнев, – скажу, что только в 1954 году были рассмотрены и рекомендованы кандидатуры для работы на целине более пятисот новых секретарей райкомов партии и секретарей первичных парторганизаций, тысячи председателей колхозов, агрономов, зоотехников, инженеров, механиков. Среди них немало было отличных местных работников, еще больше – приезжих. Огромную помощь оказали нам ЦК КПСС, союзные министерства, многие республики и области страны, щедро делившиеся с целиной своими кадрами».

На работу в создаваемые на целине зерносовхозы из Центра были направлены 8400 руководящих работников и специалистов; почти все они имели опыт работы и специальное образование. Будущие директора совхозов персонально утверждались Центральным Комитетом партии.

Самой сложной была проблема массовых кадров. Эти районы – Казахстан, Сибирь, частично Поволжье – и без того испытывали постоянный недостаток в людях. Здесь была самая высокая в Союзе площадь пашни на одного трудоспособного и сравнительно небольшая плотность населения. Только привлечением работников из других областей можно было обеспечить вновь создаваемые хозяйства кадрами».

Ссылка на Брежнева неслучайна. Она показывает, как глубоко укоренилась среди идеологов привычка приводить к месту и не очень высказывания очередного партийного лидера. Не удивительно, что даже нелепое указание Хрущева о внедрении кукурузы на колхозные поля подобные идеологи подхватили с административным восторгом и довели до абсурда. В подоб-

ных случаях со всей определенностью сказывались недостатки управления страной в после- сталинский период.

Можно возразить: а разве при Иосифе Виссарионовиче было не так? Разве не принимались его указания практически безоговорочно?

Да, авторитет Сталина был подавляющим. Но он, прежде чем принять решение, советовался со специалистами, старался основательно разобраться в проблеме и проводил ее обсуждение не только в пределах узкого круга Политбюро, но и в более широких масштабах. При этом он высказывал свое мнение в конце обсуждения, чтобы дать сначала высказаться другим. А дельные возражения непременно учитывал.

В отличие от него экспансивный, дорвавшийся до власти Хрущев любил приказывать и не умел долго раздумывать и сомневаться. Он во многом был антиподом Сталина (в частности, был больше, чем вождь, склонен к жестким репрессиям и подавлению инакомыслящих).

В наступление на целину была брошена огромная трудовая армия – сотни тысяч человек. Летом к ним присоединялись студенты вузов и техникумов, солдаты. Всего в уборке урожая в 1956–1958 годах приняло участие более трех миллионов студентов, рабочих и служащих. Первые целинники жили в палатках. Вскоре специально организованные строительно-монтажные тресты стали возводить поселки. Десятки тысяч семей переселились на восток из Украины и Белоруссии.

Тракторы, комбайны и другая техника непрерывным потоком поступали на целину. Товарные поезда с грузом для целинников пропускали в первую очередь.

Результаты этого тотального и хорошо подготовленного наступления не замедлили сказаться. Если в 1950 году общая посевная площадь составляла 146,3 млн га, то в 1960 году она возросла до 203 млн га. (О чем может свидетельствовать округленная вторая цифра? Не о том ли, что теперь учет распаханых земель вели слишком обобщенно и не всегда добросовестно?)

По словам В.В. Кожина, в тот период была возрождена «революционная» атмосфера радикальных социально-политических акций.

«Именно такой акцией, – писал он, – явилось, например, начатое по инициативе Хрущева (это вообще была первая его инициатива) в январе 1954 года освоение целины. Сплошным потоком под гром оркестров отправлялись в казахстанские и западносибирские степи поезда, заполненные людьми – в преобладающем большинстве молодыми, – призванными одним ударом решить «зерновую проблему». Словно возродились столь характерные для послереволюционных лет штурмовые кампании под предводительством партии и комсомола. И сбор зерна за счет освоения целины возрос в среднем на 40 %!».

Казалось бы, целинная эпопея, так хорошо подготовленная и поддержанная немалыми капиталовложениями, завершилась полной победой. Однако она оказалась временной. Несколько лет спустя мы стали закупать заграничное зерно...

Однажды мне довелось наблюдать такую картину. Наш поезд пересекал распаханые казахские степи. К вечеру мы приблизились к железнодорожной станции. Параллельно путям тянулись гряды насыпного... вроде бы грунта, подобного песку серовато-желтого цвета, сверху покрытого чем-то черным.

Я не сразу разглядел, что это такое. Только после того, как часть черной крыши вдруг взлетела в воздух, меня осенило: да ведь это груды зерна, а на них жируют птицы! Значит, на машинах подвозили зерно, сгружали (возможно, не хватало складов, элеваторов), чтобы перевезти по железной дороге, но по какой-то причине не успели.

Возле станционной платформы ситуация была иная. Там к лавке с надписью «Хлеб» тянулась большая очередь...

Не подумайте, что я тут что-то придумал, использовал литературный прием, как говорится, для красного словца и красоты эпизода. Подтверждаю: всё было именно так.

Поражение

В «Истории СССР», на которую я сослался, о целине написано, хотя и казенным языком, немало восторженных страниц. Не удивительно: в те годы первым секретарем Коммунистической партии Казахстана был Леонид Ильич Брежнев, которому позже (когда он стал Генсеком КПСС) написали его книгу «Целина».

Тот размах и хрущевский напор, та стремительность, с которой проводилось наступление на целину, были предвестником грядущего провала. (Ситуация напоминает решительное наступление в 1920 году армии под командованием М.Н. Тухачевского на Варшаву. Командарм призывал: за поверженной панской Польшей открывается путь к мировой революции! Однако вскоре последовало страшное поражение наших войск.)

В чем же дело? Чем объясняется печальный финал так громко начатой и неплохо подготовленной кампании?

Причин, конечно же, несколько.

...Приблизительно в сентябре 1956 года «Голос Америки» сообщил, что в Московском геологоразведочном институте происходят студенческие беспорядки, вплоть до баррикадирования дверей и отпора милиции. Пришлось вмешиваться члену Политбюро Екатерине Фурцевой.

Меня такое сообщение озадачило. В этом вузе, где я тогда учился, подобных беспорядков не было и в помине. Студенты первых курсов, вернувшись с целинных земель, на комсомольском собрании резко критиковали то, как там организована работа. Мол, вместо основательного освоения идут авральные работы, без соблюдения техники безопасности, лишь бы быстрее распахать и засеять как можно больше гектаров. А во время уборки слишком много зерна пропадает при обработке, перевозке, хранении урожая.

Я на том собрании не был, но слышал, что споры были горячие, а начальство возмущалось строптивостью комсомольцев, посмеявших оспорить указания и организационные мероприятия ЦК. Для разрешения конфликта и разъяснения политики партии через пару дней прибыла Е. Фурцева. Критику признали отчасти верной, инцидент был исчерпан.

Насколько мне известно, этот случай был единичным. Не исключено, что будущих геологов возмутило то, что вместо учебной и производственной практики (тоже – не экскурсионные прогулки) они вынуждены были заниматься сельским хозяйством. Но в целом для молодежи целинная эпопея была овеяна романтикой, хотя трудиться приходилось в нелегких условиях и порой до изнеможения.

Некогда популярный журналист-аграрник (в перестройку обернувшийся ярким антисоветчиком и демагогом – не без личной выгоды) в 1970 году писал: «Целина была счастьем моего поколения... В первые два года на восток уехало больше семисот тысяч человек».

А вот как вспоминал о тех годах учившийся в МГУ С.Г. Кара-Мурза:

«Особое место в моей студенческой жизни (и, думаю, многих) занимает **целина**. Первый раз студентов послали туда в 1956 г. Я ездил два следующих года. Большое дело сделали те, кто это придумал. Нас бросили в особую точку советской жизни, где можно было увидеть и понять очень многое. Если, конечно, было желание».

Пожалуй, далеко не все с ним согласятся. Ведь не каждый способен испытывать трудовой энтузиазм (это значит – ощущения своей силы и единства с товарищами, чувство удовлетворения от своей работы на пользу обществу, а не только ради заработка, патриотизм). Однако дело-то не только в преодолении трудностей. Не менее важно, чтобы твой труд не пропал зря. А в природных условиях Сибири такая опасность была изначально.

По словам Сергея Кара-Мурзы, в 1958 году в Северном Казахстане ударили ранние морозы. «Урожай был хороший, любо-дорого. Но только началась уборка – мороз и снег. Надо

валки обмолачивать, а они под снегом... Дети утром в школу идут на лыжах, такой снег глубокий. У нас ни у кого нет теплой одежды, все обмотались полотенцами вместо кашне. Спим в недостроенных мазанках, без печек, без одеял, вода в цистерне замерзает...

Как назло, тогда начались какие-то осложнения с Китаем... Китайцев отозвали в Москву, для бригады это была большая потеря. А главное, не прислали солдат и армейских грузовиков. Собралось партсобрание... Директор и агрономы орут, секретарь обкома оправдывается и даже угрожает. Студентов привезли до 1 октября – кому хлеб из-под снега вытаскивать? Мы – телеграмму в деканат, нам разрешили остаться, кто хочет, добровольно. В Москву почти никто не уехал, но жизнь стала тяжелая... Питались мы из походных кухонь, но теперь уже было не до борщей, рук сильно не хватало. Просто варили картошку. Смотрю, почти никто уже не чистит ее – полиют маслом и едят прямо с кожурой. Значит, всерьез устали».

Так начиналось – с молодежным задором, героическими усилиями, замечательными победами. Но, как известно, победы над природой опасней поражения. Они оборачиваются большой бедой.

После того как в 1964 году был смещен со всех занимаемых им высоких постов «Наш дорогой Никита Сергеевич» (так назывался один из восхвалявших его фильмов), пришла пора подвести итоги наступления на целину. Оказалось, что у нас не только восточнее Урала, но и в европейской части страны снизилась урожайность зерновых, несмотря на огромные распаханые территории. Мы стали закупать зерно в странах, где эти площади были в несколько раз меньше.

О том, как обстояли дела в Кулундинской степи, Ю. Черниченко писал в «Литературной газете» в 1970 году:

«К пятому урожаю в нашей степи от первых эшелонов остались считанные семьи. Даже Вася Леонов, тракторист, получивший звание героя, и тот бросил дом, дизель и подался куда-то на шахты». Причина была проста: на целине ему теперь нечего было делать: «потянулись черные бури, снег стал, как зола, пошли неурожай... хлопцы-целинники, содравшие плугами защитный дёрн, увидели вскоре черное небо и поразъехались... Что целинник не задерживается – не новость... Но есть известия – стронулся коренной сибиряк, вот в это и верить бы не хотелось... Емельян Иванович Емельяненко, директор из первых целинников... сказал: «Черт его знает, одну эрозию вроде бы погасили, лесополосы зеленеют, а вторая, кадровая, все разгорается. Пыльные бури, видно, через срок сказываются, как война...» Главное же – и теперь, после одоления эрозии, не достигнута стабильная прибыльность... Нужен уверенный урожай, а не лихорадочная кривая сборов».

Дело, конечно, не столько в прибыльности и даже не в эрозии как таковой. Чрезмерно широко велось наступление на целину, да еще ускоренными темпами. Некоторое время люди могут вытерпеть трудности и невзгоды. И вспаханная целина при благоприятных погодных условиях дает обильный урожай. Однако любое наступление – в труде и в бою – рано или поздно выдыхается. И если не было продумано и осуществлено закрепление на достигнутых рубежах, то после череды побед неизбежно следует полное поражение.

В 1989 году публицист Сергей Баймухаметов в статье «Поле битвы» убедительно показал, какие последствия вызвало тотальное наступление на целину. По его словам, «было распахано сорок два миллиона гектаров целинных и залежных земель. По площади это поменьше Франции и побольше Бельгии, Голландии, Дании, Великобритании и Португалии вместе взятых. Но ведь это только пашня, то есть только та земля, по которой прошел плуг. А последствия распахивания сказываются на всем комплексе, на всей прилегающей территории...

К середине шестидесятых годов распахано было все, что можно распахать... Семьдесят семь процентов всех сельскохозяйственных угодий у нас занимает пашня! Почти всесоюзный рекорд варварства. Хуже нас только на многострадальной Украине, где по всей республике (!) распахано восемьдесят процентов угодий!

Вот откуда брались и берутся и наши, казахстанские, и украинские миллиарды пудов хлеба. Не за счет урожая – за счет пашни... При этом надо учесть, что такая структура почти ничего не оставляет на луга и пастбища, то есть на живую землю. А поголовье скотины держать приказано, молоко и мясо давать обязан, и жить тоже вроде бы надо...

Кто в те годы... думал, что подобная система земледелия в конечном счете преступна, ибо приучает всех, от крестьянина до первого секретаря обкома, хватать, брать, использовать, грабить землю?»

Неужели никто тогда не понимал, что необходимо проводить так называемую интенсификацию сельского хозяйства? Что надо увеличивать урожайность, а не распахать все больше и больше территорий?

Многие это, конечно, понимали. Об этом говорили на совещаниях, к этому ученые призывали хозяйственников, которые тоже все хорошо сознавали и принимали соответствующие обязательства. Но что делать хозяйственнику, если от него требуют не снижать темпов, увеличивать поставки зерна?

К тому времени партийное руководство в центре и на местах диктовало свои требования жестко, мало прислушиваясь к возражениям местных работников. Надо же, чтобы огромные затраты на освоение целины окупались. Тем более что одновременно осуществлялись еще более дорогостоящие программы космических полетов и ракетно-ядерного вооружения Советской Армии, материальных доходов от которых ждать было нечего.

Чтобы перейти к интенсивному ведению хозяйства, требовалась передышка хотя бы на 2–3 года, некоторое отступление, структурная перестройка. Но кто мог позволить себе уменьшить плановые показатели? Кто посмел бы возражать против продолжения курса партии на увеличение сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерна? Кто решился бы посягнуть на авторитет Первого секретаря ЦК КПСС и одновременно Председателя Совета министров СССР, к тому же трижды Героя Социалистического Труда Н.С. Хрущева?!

Вот и приходилось «на местах» изыскивать все дозволенные, а теперь уже и недозволенные средства для того, чтобы рапортовать об успешном осуществлении решений партии и правительства. «С 1966 года, – пишет С. Баймухаметов, – началась у нас в области тайная распашка приречных, приозерных, прилесных территорий... Мы спокойно смотрим, как после озер начали высыхать наши березовые колки, рощи березовые: чистые, звонкие, светлые наши рощи, каких больше нигде нет. И как же им не высыхать, если их год за годом опахивают под самую кромку, под ствол, а внутрь, куда не забраться трактором, запускают совхозные стада, и лес нещадно вытаптывается, поскольку скота много, а лугов и пастбищ нет, все распахали».

По его подсчетам, всего «подпольных земель, где были у нас посеяны зерновые, набралось **триста пятьдесят тысяч** гектаров!» И это – только в одной области.

Есть все основания говорить о значительно более масштабном экологическом бедствии, чем только чрезмерная распашка целинных и залежных земель, вызвавшая через несколько лет истощение плодородного гумусового слоя, иссушение почв, ветровую и водную эрозию, снижение уровня грунтовых вод.

Пострадала значительно более обширная территория. Распространилось опустынивание, ибо стали ухудшаться климатические условия. Ведь в результате ослабления почвенного покрова, осушения озер, снижения уровня грунтовых вод земная поверхность сильнее нагревается и активней отражает солнечные лучи. Формируются зоны повышенного атмосферного давления, сухой нагретый воздух поднимается вверх, препятствуя выпадению дождя. А редкие сильные ливни лишь усугубляют эрозию.

Как множество раз бывало на Земле при господстве человека, недолгие победы над природой оборачиваются сокрушительными поражениями.

Уроки целины

На обширных просторах целинных и залежных земель во время хрущевского правления в СССР произошла первая техногенно-экологическая катастрофа огромного масштаба. Ее последствия сказались на состоянии сельского хозяйства страны в последующие десятилетия.

Было бы проще всего свалить вину на неумного генсека и тех, кто поддержал его «революционную инициативу»; на сложившуюся традицию «культ личности», которая дала сильный сбой при отсутствии достойного лидера; на инерцию неповоротливой «административно-командной системы» и господство партаппарата...

В действительности было все значительно сложнее.

Например, честный и умный исследователь Вадим Кожин не был склонен считать, что «освоение целины было бесплодным предприятием, – в частности, лишней раз доказывающим несостоятельность Хрущева как правителя».

Прежде всего, он подчеркнул: «В 1959 году, например, в стране было собрано в полтора раза больше зерна, чем шестью годами ранее, в 1953 м, а едва ли бы такой прирост был возможен на путях медленного улучшения дела на уже освоенных ранее землях».

Тут можно возразить. Предположим, медленное, но неуклонное увеличение продуктивности сортов растений и пород скота, улучшение почв на освоенных территориях увеличило производство сельскохозяйственной продукции за этот срок «всего» на 15–20 %. Но при этом не было бы колоссальных расходов, связанных с освоением новых земель и переброски туда техники, людей, материалов, горючего. Вдобавок не произошла бы экологическая катастрофа.

Государство и даже отдельная область живут не одним годом, не каким-то одним достижением. Можно поднапрячься, сделать «большой рывок» и получить, скажем, в полтора раза больше зерна, чем раньше. А дальше что? Как удержаться на достигнутом рубеже? Смогут ли люди, техника, сама земля и впредь работать на износ? Почва, как известно, быстро истощается при активной эксплуатации, начинается эрозия земель.

«В том, что совершалось с 1954 года на западносибирской и казахской целине, – продолжал Кожин, – воплощалась воля миллионов молодых энергичных людей; другой вопрос – явный недостаток сельскохозяйственных навыков и знаний у подавляющего большинства этой молодежи, бездумно срывавшей весь защитный дерн на огромных пространствах степей, а потом изумлявшейся «черным бурям»...

Здесь необходимо обратить внимание на очень существенную *демографическую* особенность хрущевского периода, о коей, кажется, не сказано до сих пор ни слова. В результате тяжелейших потерь во время войны молодых людей от 15 до 29 лет в 1953 году имелось почти на 40 % (!) больше, чем зрелых людей в расцвете сил – в возрасте от 30 до 44 лет (первых – 55,7 млн человек, вторых – всего 35,6 млн); что же касается молодых мужчин, их было почти в *два раза больше* (!), чем зрелых (то есть тех, кому от 30 до 44) – 26,5 млн против всего лишь 13,9 млн человек, – не говоря уже о том, что немалая часть людей зрелого поколения принадлежала к инвалидам войны...

И это огромное преобладание молодых людей, надо думать, не могло не сказаться самым весомым образом на характере времени, на самом ходе истории во второй половине 1950 – первой половине 1960 х годов. Закономерно, например, что в литературе и кинематографии этого периода молодежь стоит на первом плане. Вообще стоит серьезно вдуматься в тот факт, что в год смерти Сталина около 30 % населения страны составляли дети до 15 лет, те же почти 30 % – молодые люди от 15 до 29 лет (включительно) и лишь немногим более 40 % – *все* люди старше 30 лет (то есть включая стариков). К 1970 году эта, в сущности, аномальная демографическая ситуация уже кардинально изменилась: молодые люди от 15 до 29 лет составляли

теперь всего лишь немногим более 1/5 населения страны, а люди от 30 лет и старше – около половины».

В.В. Кожин напомнил, что подобная ситуация была в нашей стране после Первой мировой и Гражданской войн, которые сопровождались гибелью миллионов людей, голодом, эпидемиями, разрухой. Поэтому в 1929 и 1930 годах, во время коллективизации, было еще более резкое преобладание молодежи: «люди от 15 до 29 лет составляли и тогда почти 30 % населения страны, а *все* люди старше 30 лет – только около 33 % (остальные 37 % с лишним – дети до 15 лет). И многие так называемые *перезимовалы* той поры, которые, как правило, целиком приписывают «вождям», в значительной мере были результатами действий молодых, а нередко даже и совсем юных «активистов», еще не обретших никакого жизненного опыта, не выросших в традиционный уклад жизни и – что вообще присуще молодости – склонных к всякого рода переменам и новизне».

По его мнению, сходной была ситуация второй половины 1950-х годов: «Уместно говорить о *миллионах* тогдашних молодых людей, которые не выступали в печати и не снимали кинофильмы, но были, в общем, заодно с тогдашними молодыми «идеологами»... Существеннейшие перемены в жизни страны были тогда, в середине 1950-х, неизбежны, «маятник» истории начал движение «влево» (пусть и не очень заметное) еще в последние сталинские годы, и, кто бы ни оказался у власти в 1953 году, дело пошло бы примерно так же.

Кстати, многие «шестидесятники» были, без сомнения, «левее» Хрущева, и тот не только многократно и подчас очень резко одергивал их «идеологов», но даже и отправлял в долгое заключение наиболее ретивых (о чем ниже), хотя об этом ныне упоминается редко».

Мне кажется, в данном случае Вадим Валерьянович имел в виду хорошо знакомых ему молодых интеллектуалов-горожан, более или менее склонных к «диссидентству». В действительности было даже в столице немало энтузиастов типа Сергея Кара-Мурзы, а большинство молодых целинников просто воспользовались случаем, чтобы «подзаработать» и, как говорится, на других посмотреть и себя показать, а то и обустроиться на новых землях.

Наиболее жесткая критика тотального наступления на целину прозвучала в период перестройки. Общая установка была не на то, чтобы извлечь полезные уроки из событий недавнего прошлого. Теперь били наотмашь по всему социалистическому плановому хозяйству, коллективизации, национализации, централизованному управлению.

Вот и Баймухаметов откровенно заявил: «Нет, не верю я в колхозно-совхозную систему. Вышла вся вера, испепелилась. И потому, что практика показала: действительно, сколько можно отмахиваться от печального опыта семидесяти лет. И потому, что не вижу я внутри ее побудительного механизма, побудительного мотива к поиску, к работе, к старанию превеликому, к тщанию...»

Нужна другая сила, которая была бы кровно заинтересована во благе земли именно как в своем собственном. Другая система отношений, собственности, владения землей и труда на земле, которая начисто исключала бы любой диктат любого новоявленного властителя судеб».

Легко сказать – другая система лучше существующей. А какая такая другая? Можно ли легко и просто ее взять и как по волшебству старика Хоттабыча учредить по всей стране? Надо же сначала старую разрушить до основания. А как жить в процессе и сразу после развала? И как знать, появится ли после этого что-нибудь лучше прежнего?

По Баймухаметову, рецепт прост: «Народ сам себя прокормит. Единственно, что мы можем и обязаны для него сделать, – так это не мешать ему, не опутывать, не вязать по рукам и ногам.

И природу «беречь» тоже не надо. Она сама себя сбережет. Слава богу, есть у нее силы для самовосстановления».

В общем-то вряд ли можно возразить против того, чтобы не вязать людей по рукам и ногам. Возможно, если учредить анархию – но не коллективного, коммунистического, и инди-

видуалистического толка – и раздать землю собственникам, то некоторые из них себя прокормят (хотя разве дело только в прокорме?). Да и земля сама себя сбережет, если оставить ее в покое.

Подобные мечтания трудно принимать всерьез. В перестройку такие, как Ю.Д. Черненко и Баймухаметов, громогласно утверждали, что фермерство спасет сельское хозяйство, завалит города дешевыми пищевыми продуктами, свежими овощами и фруктами, парным молоком... Многие горожане им верили.

Не знаю, как на самом деле, но у меня возникает впечатление, что ни публицист Черненко, ни писатель Баймухаметов никогда толком не трудились в коллективе, а лишь служили, выполняя задания начальства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.